

Предлагая публикацию о Мэрилин Монро, редакция обращается к воспоминаниям крупнейшего современного американского драматурга Артура Миллера, вышедшим недавно в виде книги под заглавием «Наплывы времени». Его пятилетний брак с Монро был разорван незадолго до трагической гибели актрисы. О красоте и сложности человеческих отношений повествуют мемуары Миллера. Большая часть книги будет представлена советскому читателю в 1989 году журналом «Иностранная литература».

● *Мэрилин Монро.*

Артур Миллер:

«НАПЛЫВЫ ВРЕМЕНИ»

На одной из вечеринок во время моего пребывания в Голливуде в центре внимания оказалась молодая женщина, которую Казан незадолго до этого представил мне. Я заметил на лицах присутствующих легкую усмешку. Ее покровитель и друг Джонни Хайд недавно умер, успев обеспечить ей несколько небольших ролей, после чего Джон Хьюстон снял ее в фильме «Асфальтовые джунгли», где она сыграла роль любовницы Луиса Кэлерна. Роль была почти без слов, но актриса запомнилась — я с легкостью восстановил в памяти этот фильм. Она была очень естественна, никакого наигрыша и как-то незаметно иронично оттеняла фальшивую добропорядочность и общественное могущество Кэлерна — таинственная, молчаливая блондинка в руках у испорченного светского героя.

В комнате толпились актрисы и жены влиятельных чиновников, одеждой и поведением стремясь подчеркнуть, что они — само воплощение женственности. На этом фоне Мэрилин Монро казалась до невероятной пикантной, какой-то странной птицей в вольере. Возможно, это впечатление возникало от ее плотно облегающей фигуру платья, скорее подчеркывавшего, чем скрывавшего красоту линий тела, с которым здесь не мог поспорить никто. Она выглядела моложе, чем тогда, когда я впервые увидел ее, совсем как девочка. Презрение женщин на приеме у Фельдмана по отношению к ней становилось все заметнее. Единственная, кто не разделял его, была актриса Эвелин Кейс, бывшая жена Хьюстона, которой удалось разорвать этот круг, усевшись поболтать с Мэрилин на диване. Глядя, как она танцует с кем-то, Эвелин чуть позже тихо сказала мне: «Они съедят ее живьем». Бесплодно пытался взгляд отыскать во время танца хотя бы малейший изъян в очертаниях этого тела. Ее совершенство настоящим требовало какого-то несоответствия, чтобы вписать ее в круг ей подобных. Оно же вызывало острое желание защитить его, хотя при этом я не мог отрешиться от мысли, сколько ей пришлось пережить, чтобы не только удержаться здесь, но и добиться относительного успеха. Однако в этот момент она была совершенно одинока.

Несколько дней назад мы в Казань, который работал в «ХХ век-Фокс» по контракту и имел там массу знакомых звукоинженсеров, побывали в павильоне студии. Один из них, бывший редактор какого-то из его фильмов, снимал кинолентею «Каждый молод, пока чувствует себя молодым», где главную роль играл ненавидимый моим отцом Монти Вули, а в одной из эпизодических появлялась Мэрилин. Кино все еще представлялось мне загадочным и фантастическим дарством, исполненным тайн. Мы приехали в тот момент, когда шли съемки сцены в ночном клубе, и Мэрилин в черном открытом ажурном платье должна была пройти, обратив на себя взгляд безразлично сидящего поодаль бородатого Вули. Камера снимала ее сзади, с тем чтобы подчеркнуть покачивающееся движение бедер, настолько нарочитое, что это могло показаться смешным. Однако она действительно так ходила: на плече оставалась ровная цепочка следов, пятка всегда ложилась впридак к отпечатку пальцев от предыдущего шага, при этом таз выбрасывался вперед.

В перерыве между съемками она подошла к Казану, который познакомился с ней в один из прошлых приездов, когда она была еще с Хайдом. С того места, где я стоял в нескольких ярдах, мне она виделась на фоне яркого света в профиль с высоко подколотыми волосами. Она плакала, поднимая черную кружевную вуаль, чтобы смахнуть слезу. Мы пожали друг другу руки, и через меня прошла ее волна — чувство тем более странное, что оно контрастировало с ее грустью посреди этого технологического великолепия и с назойливой суматохой по поводу смены декораций для следующего кадра. Позже она рассказала, что плакала, вспоминая, как Хайд перед смертью звал ее, а его родные не разрешили войти к нему в палату. Она слышала его голос в коридоре и ушла, как всегда, одна.

Так как роза была небольшая, она быстро освободилась и на следующий день отправилась с нами к Гарри Козну на «Юламбия пикчерс». Офис представлял собой огромный кабинет, но что-то в его дешевой отделке мореными деревянными панелями говорило об упрямой прямолинейности хозяина, выходя из района портовых трупов Манхэттена. Стойкий мечтатель, который гордился тем, что не был держателем важных акций, Козн вместе с Джеком Уорнером и парой других был одним из последних представителей той породы людей, к которой принадлежал и мой отец. Он не мог отвести глаз от Мэрилин, пытаясь вспомнить, где они встречались, он вышагивал перед ней, подтягивая штаны, как заправский манхэттенский таксист, готовящийся к драке. Его лицо отражало напряженную работу мысли, что, однако, не умерило откровенной навязчивости и однозначности поведения. Он прорычал: «Знаешь ты будущее», в то время как она сидела в очень характерной для нее позе, полная недоумения и смущения. В падавших сквозь прорезы в коричневых венецианских жалюзи лучах солнечного света ее лицо казалось в осипах и некрасивым, но она не могла пошевелить пальцем без того, чтобы сердце не защемило от совершенства изысканной линии.

«За этот фильм гроша ломаного не дам», — воинственно объявил Коэн, усаживаясь за стол на свое место. При этом, казалось, он не прекращал жить жизнью студии, и в какой-то момент, прервав самого себя, вдруг нажал кнопку селектора и вызвал из приемной секретаря. Он знал каждую пядь своего хозяйства, досконально помнил, что где происходит, и, продолжая разговаривать с нами, посылал вонне, за барочного вида стены, распоряжения и команды. «Я сам, слышь, из этих низов», — продолжал он, тыча волосатым пальцем в текст сценария. — Та шо знаю, шо почем. Гроша ломанова не стоит, но я составлю долю, только щоб никаких денег вперед, пока фильм все не окупит. Я помогу, но чтобы знали, — он обернулся и ткнул пальцем в Казана. — щоб ты после поставил и мне фильм».

Потом он резко повернулся к Мэрилин и сказал: «Вспомнил!» По всей видимости, воспоминание было не из приятных: он пригласил ее как-то покататься на лодке, но она согласилась ехать только вместе с его женой. Раздражение от нанесенного оскорбления вызвало резкий прилив крови к его лицу.

И тогда он вернулся к кнопкам. Склонившись к селектору, зарычал: «Страха ко мне!» Замер, что-то подсчитывая, раздражился пуще прежнего и, нажав на кнопку, снова взревел: «Страха, я сказал! Срочно ко мне!»

За дверью послышались торопливые шаги, и на пороге появился невысокого роста мужичка за шестьдесят в рубашке с крахмальным воротничком, при галстуке и в запонках. Это был Джо Страх, мажордом Коэна. Видимо, ему действительно пришлось бежать, он был в испарине и задыхался.

«Слушаю, господин Козн», — сказал он, переводя дыхание, стоя с красными щеками и побелевшей лысиной.

Не скрывая презрения, так что больно было присутствовать при этой сцене, Козн дал ему какое-то пустянное распоряжение, отвернулся и спокойно продолжил нашу беседу, подхватывая ее там, где мы остановились. Он все еще сверлил Мэрилин взглядом, а она сидела, потупив глаза, и не проронила ни слова. Страх, сыграв роль жертвы козновского властолюбия и продемонстрировав, на что мы можем рассчитывать в будущем, тихо утихал.

«Ну шо, подписано? Шоб никаких денег, пока нет при-
былей. Если вы, к черту, такие идеалисты, а?» Его лику-
ющая ухмылка не обещала ничего хорошего, однако усло-
вия показались приемлемыми: он ставит на карту деньги
и павильоны студии, я — свой сценарий, Казан — свою
работу.

Как только мы договорились, Коэн объявил, что сценарий надо согласовать с профсоюзным лидером, поскольку речь в фильме идет о профсоюзе. Это показалось странным, но здесь все было ново, и у меня не было оснований для отказа, так что я согласился. Коэн прорычал в аппарат, чтобы вызвали нужного человека, и тот не замедлил явиться — этаким представителем интеллектуальной элиты, на первый взгляд странно выглядевший в крахмальном воротничке, галстуке и спортивной куртке, напоминавших о respectable жизни восточного побережья. Он отвечал по профсоюзной линии за контракты, подписываемые «Коламбой». С выражением готовности на невозмутимом, типично американском лице, он производил впечатление неглупого человека, который не растрчивает эмоций на ветер, изредка позволяя легкой усмешке тронуть губы или блеску в глазах отменить какую-то мысль. За день до этого Коэн дал ему прочитать мой сценарий, и теперь, в ответ на его вопрос он сказал, что текст очень сильный и, с его точки зрения, реалистично отражает жизнь в припортовом районе Нью-Йорка. На Коэна это произвело впечатление, впервые он посмотрел на меня с каким-то почтением, поскольку похвала исходила не просто от неуча-невежды из шоу-бизнеса, но от высокообразованного специалиста.

Казалось, коэн немного успокоился, и было от чего: он воображал, что преуспел, обведя нас с Казаном вокруг пальца, да еще в перспективе получил возможность поставить небывалый по реалистичности фильм по одному из больных социальных вопросов, который не затрагивался ни на какой другой киностудии. Довольный собой, он вытащил из ящика стола какую-то книгу и протянул, попро-

сив посмотреть, нельзя ли из нее сделать сценарий. В мои планы не входило заниматься к нему на работу, однако я согласился. Мне все еще хотелось верить, что мы добились того, зачем приехали, и в результате нашей договоренности появится возможность показать жизнь портовых грузчиков как она есть: круг, надеялся я, начавшийся с граффити на стенах домов на Бруклинских Высотах, замкнется. Поймав взгляд Мэрилин, я посмотрел на нее, и она заговорщицки улыбнулась, но так, чтобы не привлечь внимания Козы. Казан между тем обговаривал условия работы и настаивал на необычно долгом графике, с тем чтобы спокойно ставить фильм. Меня безумно тянуло к ней, и я решил, чтобы как-то справиться с собой, сегодня же, если получится, уехать.

«Осталось увязать с ФБР», — донесся до меня хрипловатый голос Коэна, а я никак не мог сообразить, что он собирается увязывать с ФБР. Оказалось, это был мой сценарий.

Я решил, что он смеется. «А что там увязывать?» — удивленно спросил я. Коэн пожал плечами. «У них тут есть свой человек. Так ничего, вполне — пусть он посмотрит. Все-таки о портовом районе».

Я шел под лучами палящего солнца и подумал: зачем все-таки мы к нему приходили? Если нас с Казаном надо было проверить на благонадежность, то вряд ли нужно было читать сценарий. Ситуация, в которую я попал, угрожала оказаться самым кратковременным триумфом в моей жизни, но все-таки хотелось надеяться на лучшее.

Поскольку мы не получили окончательного ответа от Козна, я решил задержаться на пару дней, пока ФБР не вынесет своего решения. Второе мы отправились по гостям, навещать приятелей Казана. Поднялся среди ночи Роберт Ардрейс, вышли с Алфредом Ньюменом, музыкальным директором «Трамвая «Желание», и весело хохотали над глупостью собственных реплик, раскрепощенные не только красотой, но, казалось, и неприкаянностью Мэрилин, по-особому накалявшей атмосферу вокруг нее: ей в буквальном смысле некуда и не к кому было идти.

Мы забрели втроем в книжный магазин, и Мэрилин захотела купить «Смерть коммивояжера». Передавая ей книжку, которую я нашел на полке драматургии, я заметил у соседнего прилавка какого-то китайца или японца, который неотрывно смотрел на нее. Она была очень просто одета, но воздух вокруг нее всегда был наэлектризован, даже когда, увлеченная чем-то, она забывала о себе. До этого она сказала, что любит поэзию, и мы купили Фроста, Уитмена и Э. Э. Каммингса. Было странно смотреть, как она шевелит губами, читая про себя Каммингса — что открывалось ей в его поэзии, столь простой и сложной одновременно? Я никак не мог вписать ее в рамки привычных представлений. Подобно поплавку на океанской волне, она могла приплыть с другой стороны земли или же от куда-то поблизости, здесь же, в заливе, в нескольких сотнях ярдов от берега. Начав читать, она напуганно мне лукавством, всплывшим в ее глазах, студентку, которая боится, как бы ее не застигли врасплох. Но вдруг неожиданно рассмеялась какому-то необычному повороту мысли в стихотворении о хромом воздухоплавателе — «и это весна!» Ее собственное удивление по поводу того, что она с такой легкостью воспринимает замысловатые поэтические обороты, высеколю искру взаимопонимания между нами. «И это весна!» — повторяла она всю дорогу, пока мы шли до машины, смеясь, как будто ей кто-то сделал подарок. Вот бы порадовался Каммингс, подумал я, такому непосредственному переживанию его стихов, при этом вновь утверждаясь в мысли, что мне нужно как можно скорее уехать из Калифорнии.

Коэн, однако, хранил молчание. Я не мог работать над сценарием, который постепенно растворялся в непреложной череде дней, благодатно проведенных у крошки бассейна. Я бороздил его из конца в конец, стараясь исцелиться от страсти, которую во мне вызывало необъяснимое и неземное очарование этой молодой женщины. Не прикасаясь друг к другу, мы как будто вступили в некий тайный сговор, дарующий сокровенную надежду каждому из нас. Пытаясь трезво оценить ситуацию, я говорил себе: это все оттого, что ей, наверное, никто никогда не дарил свои книги — и в то же время в который раз назначал себе дату отъезда.

В аэропорту мы троим — Казан, Мэрилин и я — ждали посадки. Близился вечер. Я подошел к стойке регистрации, чтобы проверить время отправления рейса, который вот-вот должны были объявить. Мэрилин пошла вместе со мной, но так как дежурного не было на месте, она отправилась его искать, а затем вернулась. Человек двенадцать поодаль ожидали вылета и, не спуская глаз, следили за ней. Она была в бежевой юбке и белой атласной блузке, волосы, зачесанные на левую сторону, падали до плеч. Что-то в ней причиняло мне боль, и я понял, что должен отнестись к судьбе без размышлений. При всей лучезарности облика ее окружало облако тьмы, и это смущало меня.

Я не мог предположить, что в моей застенчивости ей видится спасение как освобождение от одинокой, бессмысленной и беззащитной жизни, которую она вела. Вместо этого я проклинал себя за извечную робость, понимая, что поздно что-либо менять. Прощаясь, я поцеловал ее в щеку, и от удивления она глубоко вздохнула. Я пошутил, что она превосходит играет, но что-то в ее глазах заставило меня раскяться в своих словах и поспешить к самолету. К этому являлся не только долг — надо было скрыться от ее детской ненасытности, напоминавшей мне мою собственную неутолимую потребность в самоудовлетворении, которая, с одной стороны, лежала в основе моего творчества, а с другой — внушала отвращение позором безответственности. Если в этом и была угроза, то нравственным устоям, а не истинности. Улетая, я хранил на ладонях ее аромат, отчетливо сознавая, что мое целомудрие условно. Это омрачало душу, но всеяло надежду, что я тоже подвластен чувственным переживаниям. Открывшаяся тайна пронзила меня, подобно световому лучу, и я воспринял это как доказательство того, что еще буду писать. Причем не только серую нудитину под названием «киносценария», где есть простор не для мыслей и чувств, а лишь для выражения знания. Я ощущал, что во мне зарождается новая песня, и этой песней было не что иное, как моя собственная жизнь.

Перевод с английского
С. МАКУРЕНКОВОЙ.